

Р.Д. ГРЕБНЕВ

кандидат юридических наук, профессор
Академии военных наук Российской Федерации; старший научный
сотрудник факультета глобальных процессов МГУ
имени М.В. Ломоносова Россия, г. Москва
<http://orcid.org./0000-0003-2966-521X>

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРА ИСЛАМА В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Актуальность заявленной темы обоснована акцентированной на создание всемирной уммы (от араб. – общины, нации) внешнеполитической деятельностью Исламской Республики Иран под руководством Президента Ибрахима Раиси в условиях дифференциации глобализационных политических процессов, а также эскалацией палестино-израильского конфликта, который в контексте заявленной темы может быть рассмотрен как фактор, содействующий консолидации Мира ислама в целях совместного противостояния мусульманский государств геополитическому проекту США на Ближнем Востоке.

Целью исследования является выявление обуславливающих друг друга внутренних и внешних факторов влияния на прагматичную внешнюю политику Ирана, направленную на достижение статуса регионального лидера и потенциального центра формирующегося полюса многополярного мира, соотносимого с концепцией «Мир ислама».

Методологическую основу исследования сформировали метод глобального политического прогнозирования, а также системный, акторный, геополитический и геоэкономический методологические подходы. При проведении исследования были также применены лингво-правовой метод при толковании конституционно-правовых норм, устанавливающих принципы государственного устройства и приоритеты внешней политики Исламской Республики Иран, а также сравнительный метод при исследовании подходов Ирана, Турции и Саудовской Аравии к вопросам регионализации политических процессов и участия в развитии полицентричной системы международных отношений.

В статье определены контуры Мира ислама как формирующегося коллективного полюса многополярного мира. В этой связи Мир ислама рассматривается как концепция, способная в будущем объединить Персидский, Арабский и Тюркский миры в рамках сетевого политического образования.

Указанный подход predetermined необходимость исследования внешнеполитической концепции Ирана в сравнительном аспекте. С применением методологии компаративных исследований были выявлены внутренние факторы влияния на стратегию внешней политики Ирана, которые возникают вследствие особенностей политической системы и коллективной идентичности Ирана, а также проанализированы стратегические направления внешней политики Ирана в сравнительном аспекте с Турцией и Саудовской Аравией.

В результате исследования были обоснованы следующие основные выводы. Политическое единство Мира ислама может быть обеспечено союзом Ирана, Турции и Саудовской Аравии, совместно выполняющих функции центра геополитического влияния в структуре полюса многополярного мира. Кибернетический характер политической системы, коллективная идентичность Ирана, а также свойство срединности «ишиитского полу-месяца» predetermined одно из ключевых значений внешней политики Исламской Республики Иран в консолидации уммы и формировании Мира ислама в контексте концепции многополярности.

Ключевые слова: регионализация политических процессов, глобализация политических процессов, многополярность, полицентричность, Мир ислама, Иран.

Введение. Актуальные тенденции дифференциации глобализационных политических процессов характеризуются развитием полицентричной системы международных отношений в условиях противодействия ряда могущественных государств геополитическому проекту США. Указанную дифференциацию также характеризует смена оснований систематизации международных отношений с геополитических, понимаемых в контексте баланса сил в его военном аспекте, на геоэкономические основания, подразумевающие формирование экономического баланса в мире. При этом геополитический проект США находится в стадии своего развития, о чем свидетельствует уточнение подхода американцев к вопросам регионального контроля, так, например, геополитика АУКУС подразумевает переход от регионального контроля, осуществляемого «чужими руками», к непосредственному участию США в обеспечении регионального баланса сил.

В условиях поляризации системы международных отношений в современном мире формируется новый баланс сил и экономический баланс, обеспеченный ключевыми акторами регионализации политических процессов, с одной стороны, и США с политически зависимыми от них государствами, с другой стороны. В связи с развитием статуса региональных лидеров и держав в глобальном измерении [4] обуславливающие друг друга концепции многополярности и полицентричности представляются наиболее

релевантными для обозначения кардинальных изменений системы международных отношений в XXI веке.

Будущая конфигурация многополярного мира является открытым вопросом научной дискуссии. Например, в соответствии с цивилизационным подходом представляется возможным выделить двенадцать локальных цивилизаций [1. С. 9], обладающих потенциалом для формирования архитектуры многополярного мира. А практический анализ геополитической субъектности (понимаемой как способность государства распространять политическое влияние на зарубежные государства и осуществлять экспансию любого вида, а также противостоять внешним регуляторам) региональных держав и государств, претендующих на такой статус, позволяет прогнозировать формирование восьми ключевых центров полицентричной системы международных отношений, а в перспективе – восьми сфер влияния и полюсов многополярного мира соответственно. При этом оба из указанных методологических подходов рассматривают мусульманскую цивилизацию или Мир ислама в контексте ее или его потенциала выступать в качестве полюса в формирующемся многополярном мире.

Актуальность настоящего исследования возникает, во-первых, вследствие основанной на концепции созидательного взаимодействия внешней политики Исламской Республики Иран под руководством Президента Ибрахима Раиси, системно проявляющейся в присоединении Ирана к БРИКС. Некоторые результаты внешней политики Ирана, акцентированной на формирование региональной системы регулирования международных отношений, проявляются в установлении политического влияния персидского государства на Йемен, а также Ирак, Сирию и Ливан, что в некоторых источниках обозначается термином «шиитский полумесяц». Во-вторых, актуальность исследования обоснована вероятной эскалацией палестино-израильского конфликта, который может рассматриваться как фактор-катализатор консолидации Мира ислама.

В контексте концепции созидательного взаимодействия очевидно, что предпосылками восстановления дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией при посредничестве Китая в 2023 г. являются не только глобальные интересы Китайской Народной Республики, но и региональные интересы Исламской Республики Иран, во-первых, по созданию условий для мирного достижения лидерства по обе стороны Персидского залива, а в перспективе – по консолидации Мира ислама.

Смежность актуальных внешнеполитических интересов Ирана и других акторов регионализации политических процессов в части противодействия геополитическому проекту США и формирования полицентричной системы международных отношений предопределяет положительную перспективу системного развития отношений между Ираном и Россией, которые в настоящее время характеризуются, с одной стороны, многосторонней

поддержкой Ираном Специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, а с другой стороны, беспрецедентными инвестициями России, составляющими более половины всех иностранных инвестиций в экономику Ирана [6].

Вместе с тем отношения Российской Федерации с Турцией и Саудовской Аравией, также претендующих на статус государств-лидеров в формирующейся региональной системе международных отношений, характеризуются некоторыми активными дружественными действиями, направленными на реализацию взаимных внешнеполитических интересов. Инвестиции России в строительство газового хаба в Турции и поддержка Саудовской Аравией политики добровольного ограничения добычи нефти в рамках ОПЕК+ свидетельствуют о высоком уровне развития международных отношений России, наряду с Исламской Республикой Иран, как минимум, с двумя другими региональными центрами Мира ислама как формирующегося полюса многополярного мира.

Наличие определенных внутренних и внешних факторов формирования стратегии внешней политики Ирана позволяет прогнозировать ключевую роль Исламской Республики в консолидации Мира ислама, однако очевидно, что Турции и Саудовской Аравии в силу ряда объективных причин, о которых будет сказано ниже, также предстоит сыграть историческую роль в процессах консолидации уммы.

Контуры Мира ислама как формирующегося полюса многополярного мира. Концепция Мира ислама основана на представлениях о географическом и социокультурном единстве исламской цивилизации. Одним из основных источников концепции является наследие Праведного халифата, теократического политического образования, положившего начало могущества Арабского халифата. Историческая память о расцвете Арабского халифата, распространившего политическую власть от Индии до Испании, находит свое отражение в трудах основоположников исламской геополитической теории. Ядро исламского геополитического дискурса формирует географическая теория Гамалея Хамдана, в соответствии с которой география Мира ислама имеет очертания полумесяца или лука на политической карте мира. Географии Мира ислама соответствует концепция Малека Беннаби о социокультурном единстве мусульман «от Танжера до Джакарты» [20. С. 153]

Возникновение исламского мировоззрения, основанного на догмате «тоухид» и отрицающего политеизм, в свое время привело к новому цивилизационному возрождению и объединению территорий от Испании до Индии в рамках нового единого политического порядка. Всего за несколько лет мусульмане установили политическую власть на территориях, некогда объединенных Александром Македонским, и стали соседями с индийской и римской цивилизациями [18. С. 92].

На современном историческом этапе положительная перспектива консолидации Мира ислама возникает в случае формирования политических основ для социокультурной общности Персидского, Тюркского и Арабского мира, мусульман Юго-Восточной Азии и Мира ислама Северной Африки, а также мирного разрешения существующих политических разногласий между ними. Мир ислама как формирующийся полюс многополярного мира может рассматриваться в контексте «культурно-социальной системы» [10. С. 20], политическая организация которой характеризуется сетевой формой взаимодействия государств-лидеров Персидского, Тюркского и Арабского мира, а также мусульманских государств Юго-Восточной Азии и Северной Африки, определяющих структуру региональной системы международных отношений.

Политическое единство Мира ислама может быть обеспечено союзом Ирана, Турции и Саудовской Аравии, совместно выполняющих функции центра геополитического влияния в структуре формирующегося полюса многополярного мира на принципах «геополитической взаимодополняемости» [29]. При этом цивилизационные, культурные, религиозные и прочие различия Персидского, Тюркского и Арабского мира предопределяют необходимость соблюдения принципов кластерного подхода к организации региональной системы регулирования международных отношений.

В силу политических амбиций Турции и Саудовской Аравии выполнять ключевую политическую роль в Мире ислама, внешняя политика Ирана, направленная на консолидацию уммы, способную обеспечить глобальное измерение Мира ислама, концептуально осложнена реализацией геополитических проектов по формированию Тюркского и Арабского мира соответственно [31. С. 11], подлежащих рассмотрению исключительно в региональном измерении. В этой связи обосновано считать, что процесс консолидации уммы возможен только в результате перехода Ирана, Турции и Саудовской Аравии к концепции совместного регулирования международных отношений в Мире ислама. Вместе с тем политическая система и социальная идентичность Ирана имеют некоторые особенности, предопределяющие возможность распространения политического влияния Ирана в Мире ислама в долгосрочной перспективе.

Особенности политической системы современного Ирана. Современный Иран играет особую роль в истории исламского конституционализма. Конституция Ирана 1979 г. была первой успешной попыткой (после неудачных аналогичных дебатов в Пакистане) подготовить текст конституции, в которой гармонично сочетаются принципы ислама, современного государственного устройства и права человека. Одна из ключевых характеристик Конституции Исламской Республики Иран возникает вследствие конституционно-правового предписания правительству осуществлять внешнюю политику, направленную на «экспорт» ислама. При этом методы

«экспорта» исламской революции могут быть разнообразными: от силовых средств, например, с опорой на Армию Махди, до прагматичной внешней политики в соответствии с концепцией созидательного взаимодействия, которой придерживается современный Иран. В соответствии с толкованием имама Хомейни указанное конституционно-правовое предписание следует понимать как «экспорт» исламской культурной революции не силовыми методами [3. С. 28].

Как следует из самого названия Исламской Республики Иран, теократические и республиканские принципы правления находят институциональное выражение в государственном устройстве Ирана, подразумевающим взаимодействие теократических и республиканских органов государственной власти [15. С. 201]. В отличие от монархической формы правления Саудовской Аравии, республиканская форма правления современного Ирана подразумевает более строгую конституционно-правовую ответственность государства перед обществом за реализацию государственной социальной политики. Соблюдение принципов социального равенства способно обеспечить высокий уровень общественной поддержки политики современного государства.

В свою очередь, теократические основы Исламской Республики Иран определяют некоторые преимущества политической системы Ирана над Турцией, которая является светским государством. Государственное устройство, государственная идеология, государственная политика и социальные нормы современного Ирана детерминированы нормами шариата. Ислам шиитского толка выполняет стабилизирующую роль в политической системе Ирана, определяя ликвидацию возникающих противоречий и коллизий между ее элементами в соответствии с приоритетными принципами ислама. Для ликвидации «пробелов» регулирования общественных отношений, в том числе международного публичного характера, в Конституции Ирана предусмотрен особый порядок толкования Корана и Сунны наделенными таким правом факихами. Подчиненность всех элементов политической системы Исламской Республики Иран нормам ислама, т.е. буквально, другой системе принципов и норм, характеризует ее как кибернетическую модель политической системы.

Кибернетическая модель политической системы Ирана подразумевает, что ислам выполняет функции управляющей системы, а политическая система в контексте российского академического подхода к ее пониманию является зависимой частью сложной системы. Кибернетизм политической системы Ирана проявляется в саморазвитии и саморегулировании сложной системы, свойстве, возникающим холистическим образом при наложении двух систем. Указанное свойство содействует ликвидации пробелов и противоречий в процессе государственного строительства, реализации политической деятельности и регулирования общественных отношений.

Кибернетический характер политической системы Ирана оказывает положительное влияние на формирование политической определенности и поддержание политической стабильности в государстве, а также обеспечивает суверенное развитие государства без вмешательства внешних регуляторов во внутренние дела Ирана.

Кибернетизм политической системы Ирана находит свое отражение во всех подсистемах политической системы, в частности, в системе социальных норм. Наряду с правовыми нормами, регулирующими общественные отношения граждан Ирана, источниками социальной определенности в Иране являются предписания (фетва) Рахбара (высшего руководителя исламской революции), муфтиев и других религиозных лидеров. Фетва понимается как официальное толкование норм ислама, устанавливающих должное и возможное поведение верующих, соблюдение которых обеспечено духовным долгом мусульманина. Таким образом, наряду с правовыми нормами фетва выполняет превентивные, императивные и диспозитивные функции в регулировании общественных отношений и разрешении возникающих споров и конфликтов на основании религиозных норм.

Свойство завершенности политической системы Ирана во многом возникает вследствие официального толкования принципов ислама шиитского толка, а именно: догматов «тоухид» (нет иного Бога, кроме Аллаха), «адл'» (божественная справедливость), «нобовват» (пророческая миссия Мухаммеда), «ма'ад» (страшный суд) и «имамат» (сочетание духовной и светской власти). Вследствие кибернетизма политической системы Ирана, при возникновении такой необходимости, открывается перспектива государственного управления, основанного на абсолютизации тех или иных принципов веры. Так, например, при абсолютизации принципа «ма'ад», в соответствии с фетвой, предписывающей «джихад», подразумевающий освобождение от «страшного суда», возникает перспектива формирования идеологии шахидизма.

Традиционные ценности Ирана, защищенные нормами мусульманского права, сформировали культурную идентичность Исламской Республики. Система ценностей Ирана отвергает экспансию ценностей Западной цивилизации, заявленных Англосаксонским миром как универсальные и подлежащие распространению во всем мире. Культурная самобытность Ирана и требовательность в вопросах признания права на сохранение культурной самобытности выражаются в публичных интересах государства, закрепленных в конституционно-правовых нормах и подзаконных актах, устанавливающих основы внешней политики Исламской Республики. Публичные интересы Ирана являются предпосылками активного противостояния Ирана внешнеполитическому вектору США и их сателлитов.

Стратегические направления внешней политики Ирана в контексте концепции Мира ислама. Реализация геополитического проекта США

связана с выполнением двух стратегических задач в Мире ислама, которые можно условно назвать «война против мусульманских государств» и «война между ними» [14. С. 130]. Стратегия США по управлению конфликтами между региональными лидерами имеет своей целью сдерживание консолидационных процессов в Мире ислама. Тот факт, что Саудовская Аравия, на территории которой расположена Мекка – «колыбель» ислама, находится на полном военно-техническом обеспечении США и Великобритании, заинтересованных в развитии суннитско-шиитского конфликта по обе стороны Персидского залива [28. С. 143], демонстрирует природу англосаксонской геополитики. С точки зрения США, их военные базы в Бахрейне, Ираке, Иордании, Катаре, Кувейте, Турции, Саудовской Аравии, Сирии, ОАЭ и Омане имеют стратегическое значение – сдерживание процессов консолидации Мира ислама.

Размещением военного контингента США на территории ряда государств Ближнего Востока обеспечено совершение Израилем множественных военных преступлений на территории Палестины. Вместе с тем палестинно-израильский конфликт может сыграть ключевое значение в преодолении существующих разногласий между мусульманскими странами и значительно ускорить процессы консолидации Мира ислама. Первые признаки консолидации мы можем наблюдать уже сегодня. Несмотря на членство Турции в НАТО, Тюркский мир демонстрирует политическую поддержку Палестины. В то время как Персидский мир в лице Ирана проводит мобилизацию всех возможных ресурсов «Шиитского полумесяца» для будущего освобождения Палестины. Активную позицию в защиту Палестины пока не может занять только ряд арабских государств в силу военной, политической и экономической зависимости от США.

В отличие от Саудовской Аравии, находящейся на военно-техническом обеспечении США и Великобритании, и Турции, которая является членом НАТО и пользуется правом совместного обеспечения безопасности, суверенитет Ирана не ограничен присутствием иностранного военного контингента на своей территории. Суверенная политика Ирана предопределяет смежность некоторых внешнеполитических интересов Ирана, России и Китая по противодействию геополитическому проекту США.

Геополитический проект Турции по формированию Тюркского мира входит в противоречие с геополитическими интересами современной России в Средней Азии. Безусловно о некоторых успехах геополитического проекта Турции можно судить по переходу Казахстана, Узбекистана и Азербайджана на латиницу, но указанные обстоятельства являются лишь следствием российского политического поворота на Запад и экономического упадка России в 1990-х годах [14. С. 35], негативный опыт которых был учтен при выработке внешней политики современной России. Несмотря на тот факт, что торговые отношения между Китаем и Ираном имеют значительно

более высокие показатели развития, чем между Россией и Ираном, в связи с российско-иранским ядерным сотрудничеством и выступлениями России против санкционной политики в отношении Ирана, на Западе сформировалось устойчивое мнение, что именно Россия, а не Китай, является главным союзником Ирана [23. С. 46].

Участие Ирана в инициативе КНР «Один пояс – один путь», связанное с рисками усиления экономического влияния Китая на Иран, может быть рассмотрено в контексте восстановления исторической роли Исламской Республики на Шелковом пути [33. С. 984]. В свою очередь, торговые отношения между Ираном и Индией, осложненные пакистанским элементом, находятся в состоянии развития, хоть и основаны на тонком балансе геоэкономических и геополитических интересов, а также политических расчетов государств [13. С. 517]. Все указанное предопределяет стратегических характер развития отношений Ирана с Россией, Китаем и Индией.

Присоединение Ирана к БРИКС является важнейшим шагом, направленным на формирование особого статуса Ирана в полицентричной системе международных отношений в целом и в структуре Мира ислама в частности. Межгосударственное объединение БРИКС было создано по инициативе Российской Федерации в противовес «группе семи» в целях формирования более справедливого мироустройства, что в целом соотносится с внешнеполитической концепцией Ирана, основанной в том числе на мусульманской дихотомии «обездоленные – высокомерные» [8. С. 279]. Очевидно, что после решения Россией вопросов обеспечения региональной безопасности в Восточной Европе и дипломатического разрешения территориальных споров между Китаем и Индией, лидеры которых в 2023 г. обеспечили безусловную общественную поддержку своей политики, БРИКС приобретает статус межгосударственного объединения, определяющего глобальную политическую повестку. Присоединение Ирана к лидерам формирующегося многополярного мира в формате БРИКС+ открывает для Исламской Республики перспективу активного участия в децентрализованном глобальном регулировании международных отношений в многополярном мире и поддержки Ирана в вопросах консолидации Мира ислама ключевыми акторами регионализации политических процессов.

Присоединение Ирана к БРИКС является следствием неизменного с 1979 г. политического курса Исламской Республики, направленного на обеспечение и развитие интегрального суверенитета государства, который в соответствии со ст. 9 Конституции Ирана понимается в целостном единстве политической, культурной, экономической и военной независимости, а также территориальной целостности страны [36].

Односторонний выход США из ядерной сделки был осуществлен в расчете на то, что дальнейшее соблюдение Ираном Соглашения по ядерной программе будет обеспечено участием Китая, России, Великобритании,

Франции и Германии. Последовавшее за выходом США из ядерной сделки ужесточение «карательной» санкционной политики против Ирана имело своей целью усиление экономической блокады Исламской Республики. «Выход США из СВПД и обострение социально-экономических проблем в стране значительно ослабили положение правительства Х. Роухани, т.к. практически свели на нет его заслуги по достижению соглашения с мировым сообществом и усилили позиции резко критикующих политику президента консерваторов» (Дунаева 2020: 17). Однако политические теории, на которых основана санкционная политика Запада в отношении Ирана, не учитывают, что догмат «тоухид» исключает возможность капитуляции Ирана в каких-либо иных обстоятельствах, кроме полного поражения в войне против тех народов, победа над которыми дарована иранцам самим Аллахом. Приостановка выполнения Ираном ключевых пунктов ядерной сделки стала вынужденным ответным решением развивать потенциал стратегического сдерживания в условиях ограниченной международной конкурентоспособности.

Находясь перед лицом реальных и потенциальных угроз военного вмешательства США и их сателлитов во внутренние дела государства, правительство Ибрахима Раиси демонстрирует готовность к нормализации и развитию отношений с Саудовской Аравией и Турцией, а также в ответ на реализацию геополитического проекта США развивает военно-техническое сотрудничество и военную торговлю с другими центрами военной силы формирующегося многополярного мира. Встреча министра иностранных дел Ирана Хосейна Амира Абдоллахиана и принца Саудовской Аравии Фейсала бен Фархана Аль Сауда, которая состоялась 6 апреля 2023 г. в Пекине, стала первым публичным мероприятием с участием официальных лиц Ирана и Саудовской Аравии за семилетний период приостановки дипломатических отношений. Также в 2023 г. в Москве состоялись переговоры с участием министров обороны и руководителей ведомств внешней разведки Ирана и Турции по вопросам сохранения территориальной целостности Сирии. Указанные факты свидетельствуют о некоторых подвижках в вопросах формирования инклюзивной системы безопасности в Ближневосточном регионе и формирующемся Мире ислама. Развитие международного военного сотрудничества содействует не только обеспечению военной безопасности самого Ирана, но и формированию будущей системы региональной безопасности в Мире ислама, которая очевидно будет обеспечена размещением стратегического вооружения в труднодоступных для потенциальных противников иранских и арабских пустынях [37. С. 33].

Возможное размещение стратегического ракетного вооружения в пустынях, удаленных от другой военной и гражданской инфраструктуры, способно нивелировать ядерную угрозу США, в официальный «расстрельный»

список целей ядерного оружия которых помимо исторических противников американцев входят как минимум Иран и Ирак [35. С. 59]. Не смотря на тот факт, что в отличие от Ирана, в терминологии внешней политики США – «государства-изгоя», Саудовская Аравия не входит в традиционную «географию вражды» США [32. С. 28], указанное обстоятельство может начать меняться после доклада Госдепартамента США о соблюдении прав человека в Саудовской Аравии и Йемене по требованию сенаторов Криса Мерфи и Майка Ли в Конгрессе США в 2023 г. И как показывает история Ирана, поддержка США не способна гарантировать политическую стабильность в мусульманском государстве и не исключает возможность упразднения монархии [21. С. 130].

История также показывает, что санкционная политика США и концепция «государств-изгоев» имеют обратный эффект и стимулируют развитие внешнеэкономических связей с государствами, которые проводят не зависимую от США внешнюю политику [34. С. 191]. Санкционная политика коллективного Запада, направленная на сдерживание экономического роста Исламской Республики Иран, в свою очередь, повлияла на развитие экономических партнерских связей Ирана и других центров формирующихся региональных систем международных отношений, в том числе с Россией, Китаем и Индией. Развитие экономического сотрудничества Ирана с другими акторами регионализации политических процессов содействует формированию статуса Ирана как одного из системообразующих структуру Мира ислама государств.

В условиях регионализации политических процессов внешнеполитическая стратегия Тегерана может быть охарактеризована стремлением «наладить эффективный диалог с внешним миром», «сохраняя основы правления в самой Исламской Республике Иран» [11. С. 335]. На основании изложенного представляется обоснованным сделать промежуточный вывод о том, что стратегическими задачами внешней политики Ирана в современных условиях, решение которых предполагается посредством развития международных отношений с ключевыми акторами регионализации политических процессов, являются: 1) формирование системы региональной безопасности, содействующей укреплению государственного суверенитета Ирана, и 2) достижение статуса регионального лидера.

Географические предпосылки роли Ирана в консолидации Мира ислама. Иран изначально обладает выгодным географическим положением для решения указанных стратегических задач, образуя географический «коридор» между Европой, Африкой, Южной Азией и Юго-Восточной Азией [27. С. 75]. Выход Ирана к Каспийскому морю обеспечивает развитие беспешинной и военной торговли с Россией. Оманский залив Индийского океана открывает морские пути из Ирана в ЮАР и Индию, энергетическая безопасность которой вплоть до принятия решения о строительстве

нефтяного и газового портового хаба в Даске в 2021 г. в большей степени была обеспечена сухопутным транзитным путем из Ирана через Пакистан [30. С. 30]. Пакистан, в свою очередь, наряду с Бахрейном, Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Индией рассматривается Ираном как союзник и потенциальный участник военно-морского альянса для обеспечения коллективной безопасности в Индийском океане. Сухопутная граница Ирана с Турцией и выход в Персидский залив обеспечивают возможность развития международных отношений Ирана с центрами Тюркского и Арабского мира, а «шиитский полумесяц» обладает срединным положением в формирующемся Мире ислама.

В трудах П.Н. Савицкого [7] и Ф. Науманна [5. С. 34] была обоснована положительная перспектива формирования «больших пространств» и автаркий вокруг государств, обладающих срединным географическим расположением. Свойство срединности политического образования содействует формированию геополитической субъектности, выражающейся в возможности распространять политическое влияние, осуществлять экспансию любого вида и противостоять экспансии других государств.

Успехи внешней политики Ирана по установлению политического влияния на Ирак, Йемен, Ливан и Сирию в актуальном состоянии ограничены «неразвитыми связями внутри шиитского блока, а также недостаточными экономическими и военными ресурсами для позиционирования себя на мировой арене в качестве коллективного актора» [9. С. 102]. Однако формирование «шиитского полумесяца» может рассматриваться в перспективе далеко не только с точки зрения противодействия Ирана в достижении целей США по установлению дружественного Штатам режима нефтедобычи, который в итоге вытеснит саудовцев с поста основного «регулятора колебаний» цен на нефть в рамках ОПЕК [22. С. 49], но и в контексте концепции срединности политического образования. Государства «шиитского полумесяца» находятся между Тюркским и Арабским миром, а также мусульманскими государствами Юго-Восточной Азии.

Концепция «шиитского полумесяца» имеет исторические предпосылки, заложенные в начале XVI в. Шахом Исмаилом, основавшим Сефевидское государство. Политизация шиизма в Сефевидской Персии имела своей целью объединение народов, исповедующих ислам шиитского толка, и формирование могущественного политического образования, способного противостоять экспансии суннитских сил Османской империи и Узбекского ханства. Исторический опыт реализации потенциала религиозной идентичности для достижения внешнеполитических задач Сефевидского государства очевидно мог быть использован при разработке концепции «шиитского полумесяца», которая вместе с особенностями политико-правового режима современного Ирана открывает перспективу для дальнейшей консолидации Мира ислама. По всей видимости указанная цель послужила причиной

уточнения внешнеполитической стратегии Ирана в период «арабской весны» и временного военного союзничества Исламской Республики с США в Ираке [12. С. 458]. Также необходимо отметить, что в силу разнообразия этнического состава проживающих на территории «шиитского полумесяца» народов, срединность Ирана может пониматься в контексте свойства воспринимающего политического сознания, подразумевающего гармонизацию социальных норм мусульман Персидского, Арабского и, в перспективе, Тюркского мира.

Срединность как свойство воспринимающего политического сознания и расположение на всемирной коммуникационной магистрали позволяют Ирану развивать международные отношения не только с Россией, Китаем и Индией, сотрудничество с которыми обосновано геополитическими интересами Тегерана по формированию антиамериканской коалиции государств [17. С. 32], но и отдельными инокультурными государствами. В частности, несмотря на, несомненно, важное значение религиозной идентичности Ирана, геополитические «гравитационные» силы, роль истории и культурных связей являются предпосылками добрососедских отношений между Исламской Республикой и Арменией [26. С. 108], подавляющее большинство населения которой принадлежит Армянской апостольской церкви.

Потенциал Исламской Республики Иран как одного из системообразующих элементов в структуре Мира ислама усиливается перспективами установления влияния в мусульманских государствах Юго-Восточной Азии, которые не могут в полной мере характеризоваться как государства, включенные в экономические процессы Китая, Индии, Японии или других экономик опережающего развития. На примере истории Индонезии можно сделать вывод о том, что вследствие тех или иных форм колониального контроля со стороны Китая, Индии, Голландии и Японии, религиозная идентичность Индонезии является наиболее перспективной основой для развития взаимовыгодных международных отношений с мусульманскими странами соответственно [16. С. 23].

В силу своего географического расположения относительно Турции и Саудовской Аравии Иран является наиболее вероятным региональным лидером Мира ислама, способным решить стратегическую задачу по обеспечению выхода формирующегося коллективного полюса многополярного мира к Тихому океану. Очевидно, что срединностью Тихого океана в многополярном мире будет обеспечено развитие международных торговых отношений и военного сотрудничества между формирующейся латиноамериканской автаркией, Россией, Китаем и Индией, а также Северной Кореей как центром военной силы полицентричной системы международных отношений. В этом контексте для мусульманских государств Юго-Восточной Азии открывается перспектива формирования собственного статуса

в многополярном мире, связанного с организацией ключевых транзитных зон Мира ислама.

Потенциал иранской идентичности в формировании уммы. Несмотря на политизацию шиизма в Иране, в соответствии со ст. 11 Конституции Исламской Республики Иран, согласно священному аяту, все мусульмане представляют собой единую нацию – умму. Концепция уммы отчасти созвучна с православной соборностью, подразумевающей единство всех православных верующих во Христе. Оба из указанных концепта подразумевают более полную реализацию потенциала человеческих сообществ, живущих в условиях мира и справедливости [25. С. 2]. Концепция единства исламской нации, закреплённая в тексте Конституции Ирана, подразумевает право приверженцев всех течений ислама беспрепятственно осуществлять религиозные обряды согласно своим религиозным нормам. Более того, в Конституции Ирана закреплёно право на свободу вероисповедания зороастрийцев, иудеев и христиан [36]. Из содержания указанного выше священного аята, включённого в текст Конституции, также следует, что самоопределение граждан Ирана не ограничено этногенетическим подходом к пониманию нации. «Национальная» идентичность Ирана характеризуется установкой на формирование уммы, проживающей на территории Дар аль-Ислам, политическая организация которой может рассматриваться как полнос многополярного мира.

Языковая идентичность Ирана также имеет интегральный характер. В силу того обстоятельства, что Коран и Сунна изложены на арабском языке, система школьного образования Ирана предусматривает обязательное изучение арабского языка наряду с персидским, на котором говорят сами иранцы. Несмотря на тенденцию роста иранского (персидского) национализма и рисков эскалации конфликта между Ираном и странами Персидского залива вследствие войны в Йемене [24. С. 46], доступность содержания персидских и арабских первоисточников может рассматриваться как фактор, содействующий формированию социокультурной общности Ирана и Арабского мира и дальнейшей консолидации уммы в долгосрочной перспективе.

В силу своей предрасположенности к консолидации Мира ислама идентичность Исламской Республики Иран характеризуется как геополитическая идентичность. Геополитическая идентичность Ирана формируется кумулятивным образом из интегральной совокупности всех форм коллективной идентичности, в том числе религиозной, культурной и языковой идентичности, но не ограничиваясь этим. Онтологические характеристики геополитической идентичности Ирана соответствуют декларируемой в Конституции цели политической власти Ирана по обеспечению политического, экономического и культурного единства Мира ислама [36].

Заключение.

1. В контексте взаимообуславливающих друг друга концепций многополярности и полицентричности Мир ислама предлагается понимать как формирующийся полюс многополярного мира, представляющий собой культурно-социальную систему, политическая организация которой характеризуется сетевой формой взаимодействия государств-лидеров Персидского, Тюркского и Арабского мира, определяющих основу структуры региональной системы международных отношений.

1.1. В контексте стратегии внешней политики Исламской Республики Иран формирование Мира ислама как полюса многополярного мира является этапом всемирной исламской культурной революции, ожидаемым результатом которого является моделирование системы глобального управления, основанного на принципах ислама.

2. Положительная перспектива консолидации Мира ислама возникает в случае перехода Ирана, Турции и Саудовской Аравии к концепции совместного регулирования международных отношений в Мире ислама в формате политического союза трех государств, основанного на принципах сетевого взаимодействия и кластерного управления региональной системой международных отношений. До возникновения соответствующих условий для формирования политического союза Иран, Саудовская Аравия и Турция будут развивать лидерство в международных отношениях и стремиться к установлению политического влияния в Мире ислама, в целом содействуя формированию потенциала полюса многополярного мира.

3. Стратегическими задачами внешней политики современного Ирана, решение которых предполагается посредством развития международных отношений с ключевыми акторами регионализации политических процессов, являются: 1) формирование системы региональной безопасности, содействующей укреплению государственного суверенитета Ирана, и 2) достижение статуса регионального лидера в Мире ислама.

4. Акцентированность внешней политики Исламской Республики Иран на установление политического влияния в формирующемся полюсе многополярного мира обеспечена:

- свойством завершенности политической системы Ирана, возникающим вследствие ее кибернетического характера;

- геополитической идентичностью (понимаемой как интегральная совокупность всех видов социальной идентичности) Ирана, характеризующейся установкой на формирование уммы, проживающей на территории Дар аль-Ислам;

- свойством срединности «шиитского полумесяца», содействующим формированию геополитической субъектности Ирана и воспринимающего политического сознания, подразумевающего возможность гармонизации

социальных норм мусульман Персидского, Арабского и, в перспективе, Тюркского мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акаев А.А., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н.* Моделирование и прогнозирование экономического развития локальных цивилизаций. СПб.: СПбГПУ, 2011.

2. *Дунаева Е.В., Сажин В.И.* Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 5.

3. *Дружиловский С.Б.* Трансформация внешнеполитического курса Ирана и ее влияние на российско-иранские отношения // *Обозреватель*. 2017. № 3.

4. *Ильин И.В., Леонова О.Г.* Факторы динамики глобальных политических процессов // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. № 9 (119).

5. *Науманн Ф.* Срединная Европа. Петроград: Огни, 1918.

6. Россия стала страной номер один по инвестициям в Иран // *Ведомости* // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/24/967929-rossiya-stala-stranoi-nomer-odin-po-investitsiyam-v-iran>.

7. *Савицкий П.Н.* Евразийство // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология*. М.: Наука, 1993.

8. *Чикризова О.С.* Дихотомия «обездоленные – высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2017. № 2.

9. *Чикризова О.С., Ивкина Н.В.* Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. № 1.

10. *Чумаков А.Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст // *Межцивилизационный диалог как фактор сохранения этнокультурного многообразия России в условиях глобализации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией Ю.Н. Абдулкадырова*. Махачкала: Типография Алеф, 2022.

11. *Юртаев В.И.* Особенности реализации внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.). М.: РУДН, 2012.

12. *Ahmadian H.* Iran and the New Geopolitics of the Middle East: In Search of Equilibrium // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. № 23.

13. *Ahmed Z.S.* The India-Iran-Pakistan Triad: Comprehending the Correlation of Geoeconomics and Geopolitics // *Asian Studies Review*. 2018. № 42.

14. *Billon P.* The Geopolitics of Resource Wars: Resource Dependence, Governance and Violence. Abingdon: Frank Cass, 2005.
15. *Chehabi H.E., Schirazi A.* The Islamic Republic of Iran // Journal of Persianate Studies. 2012. № 5.
16. *Clad J., McDonald S.M., Vaughn B.* The Borderlands of Southeast Asia: Geopolitics, Terrorism, and Globalization. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2011.
17. *Cohen S.B.* Geopolitics: The Geography of International Relation. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015.
18. *Dallmayr F., Kayapinar M.A., Yaylaci I.* Civilizations and World Order: Geopolitics and Cultural Difference. Plymouth: Lexington Books, 2014.
19. *Eder T.S.* China-Russia Relations in Central Asia: Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. Wien: Springer VS, 2014.
20. *El-Shinqiti M.E.* From Tangier to Jakarta: The Unity of Meaning and Structure in the Islamic World Between Ibn Battuta and Gamal Hamdan // Global Journal Al-Thaqafah. 2022. № 1.
21. *Falk R.A.* The Declining World Order: America's Imperial Geopolitics. NY: Routledge, 2004.
22. *Graham S.* Cities, War, and Terrorism: Towards an Urban Geopolitics. Malden: Blackwell Publishing, 2004.
23. *Lo B.* Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.
24. *Maashi H.A.* From Security Governance to Geopolitical Rivalry: Iran-GCC Confrontation in the Red Sea and the Indian Ocean // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2017. № 11:4.
25. *Martin G.T.* The I, the WE, the IT and the Third Estate // Academia Letters. 2021. № 4333.
26. *Mirzoyan A.* Armenia, the Regional Powers, and the West: Between History and Geopolitics. NY: Palgrave Macmillan, 2010.
27. *Moradi F.* Iran ambitious for regional supremacy: the great powers, geopolitics and energy resources // Journal of the Indian Ocean Region. 2011. № 7:1.
28. *Mullerson R.* Dawn of a New Order: Geopolitics and the Clash of Ideologies. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2017.
29. *Omidi A., Özdağ H.O.* Analyzing the Mutual Geopolitical and Security Complementarity of Iran and Turkey: Border, Energy, and Water // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2023. № 25.
30. *Overholt W.H.* Asia, America, and the Transformation of Geopolitics. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
31. *Scholvin S.* The Geopolitics of Regional Power: Geography, Economics and Politics in Southern Africa. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2014.
32. *Shapiro M.J.* Cinematic Geopolitics. NY: Routledge, 2009.

33. *Shariatnia M.* Iran and the Belt and Road Initiative: Amid Hope and Fear // *Journal of Contemporary China*. 2021. № 28.

34. *Slater D.* Geopolitics and the Post-colonial Rethinking North-South Relations. Malden: Blackwell Publishing, 2004.

35. *Solomon H.* Challenges to Global Security: Geopolitics and Power in an Age of Transition. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2008.

36. The Constitution of the Islamic Republic of Iran // *Constitute* // https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989?lang=en.

37. *Zellen B.C.* Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Westport: Greenwood Publishing Group, 2009.

R.D. GREBNEV

*Candidate of judicial sciences, Professor
of the Russian Federation Academy of Military Sciences, senior
researcher at the Faculty of Global Studies of Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia
<http://orcid.org./0000-0003-2966-521X>*

WORLD OF ISLAM BACKGROUND (IN THE CONTEXT OF IRANIAN FOREIGN POLICY)

The relevance of the stated topic is justified by the emphasis on the creation of a global ummah (from Arabic - community, nation) by the foreign policy activities of the Islamic Republic of Iran under the leadership of President Ibrahim Raisi in the context of differentiation of globalization political processes, as well as the escalation of the Palestinian-Israeli conflict, which in the context of the stated topic may be considered as a factor promoting the consolidation of the World of Islam in order to jointly confront Muslim states with the US geopolitical project in the Middle East.

The purpose of the study is to identify internal and external factors influencing each other on Iran's pragmatic foreign policy, aimed at achieving the status of a regional leader and a potential center of the emerging pole of a multipolar world, correlated with the concept of the "World of Islam".

The methodological basis of the study was formed by the method of global political forecasting, as well as systemic, actor-based, geopolitical and geo-economic methodological approaches. When conducting the study, the linguistic-legal method was also used in the interpretation of constitutional and legal norms establishing the principles of government and foreign policy priorities of the Islamic Republic of Iran, as well as a comparative method in studying the

approaches of Iran, Turkey and Saudi Arabia to the issues of regionalization of political processes and participation in development of a polycentric system of international relations.

The article defines the contours of the World of Islam as an emerging collective pole of a multipolar world. In this regard, the World of Islam is considered as a concept that can in the future unite the Persian, Arab and Turkic worlds within the framework of a network political entity. This approach predetermined the need to study Iran's foreign policy concept from a comparative perspective. Using the comparative research methodology, internal factors influencing Iran's foreign policy strategy, which arise because of the peculiarities of the political system and collective identity of Iran, were identified, and the strategic directions of Iran's foreign policy were analyzed in a comparative aspect with Turkey and Saudi Arabia.

As a result of the study, the following main conclusions were substantiated. The political unity of the World of Islam can be ensured by the union of Iran, Turkey and Saudi Arabia, jointly performing the functions of a center of geopolitical influence in the structure of the pole of a multipolar world. The cybernetic nature of the political system, the collective identity of Iran, as well as the middle "Shiite crescent" predetermine one of the key meanings of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in the consolidation of the ummah and the formation of the World of Islam in the context of the concept of multipolarity.

Key words: *regionalization of political processes, globalization of political processes, multipolarity, polycentricity, World of Islam, Iran.*